

Джеймс пустил этот злосчастный фунт на сигареты и леденцы.

Но Ланс никак не мог успокоиться:

— Тебе не следовало его брать. Это же чистое оскорбление.

— Да замолчи ты. Лично я не против, чтобы нас оскорбляли почаще.

Джеймс с треском разорвал обертку, небрежно закинул конфету в рот и совершенно буднично ткнул вторую прямо в губы этому вечно серьезному отличнику.

Ланс, еще мгновение назад кипевший от злости, опешил от этой бесцеремонной заботы, похожей на то, как утихомиривают капризных детей. На его обычно высокомерном, холеном лице проступили растерянность и глухое замешательство.

— Ну как, сладко? — тактично ухмыльнулся Джеймс.

— Сладко, — на автомате ляпнул Ланс.

Видеть, как этот записной интеллектuala внезапно теряет дар речи и глупеет на глазах, было безумно смешно. Стоявшие рядом Болдуин и Тео едва сдерживали хохот.

Впрочем, Ланс быстро пришел в себя. Лицо его тут же потемнело, и он одарил всю честную компанию испепеляющим взглядом.

Но лед растаял. Благодаря этой нелепой выходке спорить о злополучном фунте больше никому не хотелось. Парни молча разделили сигареты и конфеты.

Джеймс затаился, выпустил ровное колечко дыма и спросил:

— Ладно, как там поется в этой попсовой дешевке «Лишь бы быть счастливым и радостным»? Где ее вообще можно послушать? Надо бы разучить.

— Но ты же сам говорил, что это полная лажа! Отстой голимый! — заканючил Тео, не скрывая презрительной гримасы.

Джеймс раздраженно зыркнул на мелкого паршивца и огрызнулся:

— Когда жрать нечего, и лажу сожрешь.

— Ну и гадость. Я лучше с голоду сдохну, чем буду петь эту дрянь! Мы рок-группа или кто? Если станем лабать попсу, нас перестанут уважать! — продолжал бунтовать Тео.

— Уважение, парень, начинается с сытого желудка. Чтобы строить из себя крутых рокеров, надо сначала выжить. Мертвецы на сцене не прыгают, смекаешь? Если мы не начнем играть то, что хавают пипл, нас так и будут гнать отовсюду пинками под зад. И как тогда прикажешь раскручиваться? — выдал Джеймс, в котором заговорил суровый десятилетний опыт офисного рабства из прошлой жизни.

Тео надулся и обиженно отвернулся.

Болдуин примиряюще взъерошил ему волосы и мягко заметил:

— Рокеры ведь не обязаны круглосуточно рубить только тяжеляк. Воспринимай это как расширение кругозора, полезный опыт. К тому же, если людям нравится эта песня, значит, в ней что-то есть.

Тео недовольно буркнул что-то под нос, но спорить не стал. Ланс шевельнул губами, словно хотел возразить, однако промолчал.

На том и порешили.

Группа оставалась верна року, но ради шанса пробиться на сцену парни согласились разбавить репертуар слащавыми эстрадными хитами.

Пожалуй, именно тогда начал складываться их негласный кодекс. Ланс отвечал за верность идеалам и чистоту стиля; Джеймсу же досталась неблагодарная роль прагматика, готового на любые компромиссы ради выживания.

Вскоре обновленный репертуар принес плоды. Стоило им ослабить хватку и разбавить программу заезженными радиохитами, как предложения посыпались одно за другим. Парней приглашали играть на мелких площадках, и в карманах наконец зашуршали первые честно заработанные шиллинги.

За пару недель они отыграли без малого тридцать концертов, но радости это не принесло никому — даже прагматичному Джеймсу. Он впервые осознал странную штуку: звон монет в кармане не спасает от тоски, если публика реагирует на твою музыку как на фоновый шум холодильника.

И ведь дело было вовсе не в лаже. Напротив, за этот марафон даже стадо баранов научилось бы держаться на сцене уверенно и слаженно.

Жестокий план Ланса по обкатке группы в боевых условиях, при всей его безжалостности,

приносил плоды. Молодая банда менялась на глазах, с каждым выходом на сцену прибавляя в сыгранности и уверенности. Парни росли с фантастической скоростью.

Вот только зашоренная публика упорно не желала этого замечать.

Обычно организаторы бесплатных вечеринок не ждали от музыкантов ничего сверхъестественного. А уж если на сцену выходили желторотые юнцы из группы «Планета», на них и вовсе смотрели с полным пренебрежением. Для пьяной толпы они были просто живым магнитофоном. Никому не сдались их вокальные данные или виртуозные соло — играйте потише, держите ритм и не мешайте людям общаться.

От начала и до конца выступления их попросту не слушали. Гости сжимали в руках бокалы с элем, сбивались в кучки и громко трепались о своих делах, полностью игнорируя сцену.

Джеймс, который за это время и сам по уши влюбился в драйв настоящего рока, лишь бессильно хмурился. Он видел, как угасает запал парней, но выхода из этой рутины не находил.

Все изменилось в день, когда их позвали на какой-то заштатный праздник общины. Обычная соседская сходка в складчину: пиво рекой, сосиски на гриле и полное отсутствие бюджета. Естественно, организаторы искали самый дешевый вариант и вышли на них.

Получив приглашение, парни привычно закинули кофры в багажник попутки и покатали по указанному адресу.

Суетливый распорядитель сунул им в руки измятый листок с расписанием номеров. Стоило ожидать: сплошная попсовая жвачка. Из соображений экономии других артистов звать не стали, так что «Планете» предстояло отдуваться за всех. Концерт грозил затянуться до глубокой ночи.

Неделей ранее они бы только порадовались лишним часам практики. Но бесконечное равнодушие толпы уже изрядно подточило веру парней в себя. Необходимость раз за разом выжимать из инструментов чуждую им сладкую патоку превратила то, что раньше было чистым драйвом, в унылую поденщину.

Так что новость о многочасовом марафоне все встретили с кислыми минами.

Джеймс ненавидел упаднические настроения. В семействе Лемонов всегда считали: если уж помирать, так с музыкой и улыбкой на лице.

Он натянул бодрящую ухмылку, сверкнув клыками, и замахал руками, пытаясь растормошить приунывших товарищей:

— Эй, выше нос, бродяги! За работу! Кто знает, может, сегодня нам наконец улыбнется удача?

Но радоваться было решительно нечему.

Сколоченные на скорую руку шаткие подмости, пара ободранных стульев вместо декораций, собственная полуживая аппаратура, свинцовое английское небо над головой и унылая суета внизу. Длинные столы, дымящие мангалы — Джеймс уныло прикинул, что им хотя бы перепадет пара бесплатных сосисок, — и бесконечно равнодушные лица гостей, которые не обратили бы внимания на музыкантов, даже если бы те подожгли сцену.

Джеймс поднялся на сцену и обвел взглядом это убожество.

«Охренеть как здорово. Примерно так я себе представлял первый круг ада».

Ланс с мрачным видом крутил колки гитары. Повидавший виды Болдуин безучастно смотрел куда-то вдаль. Тео пытался выглядеть крутым рокером, небрежно прислонившись к столбу с сигаретой в зубах, но со стороны казался просто сонным недоумком.

Внизу вовсю кипела жизнь: обыватели звенели бокалами, уплетали барбекю и обменивались дежурными фальшивыми сплетнями. До кучки юнцов на сцене им не было никакого дела.

Концерт начался. Скрепя сердце Джеймс отпел пару приторных, бессмысленных эстрадных песенок вроде «Лишь бы быть счастливым и радостным» и прочей чепухи. В ответ — гробовая тишина и редкое звяканье вилок.

И тут Ланса прорвало.

Джеймс, честно говоря, ждал этого. Красавчик Ланс только притворялся паинькой перед учителями и родителями, а на деле был тем еще мерзавцем. Джеймс до сих пор помнил, как в школе ляпнул, что Ланс выглядит как девчонка. После этого его целый год таскали к директору по любому поводу — то за прогулы, то за невыполненные уроки, то за мнимые издевательства над одноклассниками. Отец тогда чуть задницу ему ремнем не стер, и Джеймс руку готов был дать на отсечение, что за всеми этими доносами стояла эта ангельская морда. Настоящий дьявол в овечьей шкуре!

Ланс Уинфилд соткал себя из противоречий. Перед публикой — вежливый, утонченный эстет, а внутри — гордец с непомерным эго, презирающий всех вокруг. Он органически не переносил, когда его игнорировали.

Две недели этого попсового рабства стали его пределом.

Он резко развернулся и с треском пнул стоявший позади стул.

Грохот упавшей мебели оборвал унылый мотив и заставил толпу внизу наконец оторваться от тарелок.

Джеймс, Болдуин и Тео застыли с разинутыми ртами. Публика недоуменно уставилась на сцену.

В глазах каждого читался один и тот же вопрос: «Он что, совсем рехнулся?»

Ланс окинул толпу яростным, хищным взглядом ярко-голубых глаз. Вид у него был такой, словно он готов прыгнуть вниз и в одиночку раскидать всю эту пьяную свору.

С ледяным лицом он рванул ручку громкости на комбике до упора, выкручивая усилитель на грань перегруза. Его длинные, чуткие пальцы взлетели над грифом, и из динамиков вырвался дикий, оглушительный вой гитарного соло. Звук звенел и плевался искрами перегруженного тока, как раскаленное масло на сковороде, а затем сорвался в бешеный рев пикирующего бомбардировщика.

После двух недель удушающего молчания!

Оживший инструмент наконец-то заговорил в полную силу, хлеща по ушам обывателей яростными, пулеметными очередями аккордов!

<http://bllate.org/book/19389/1951530>